

Он сыграл свою первую роль в 9 лет. С тех пор снимается постоянно. Сейчас лицо актера Владислава Галкина практически не сходит с наших экранов. Не успевает закончиться один сериал с его участием – и тут же начинается следующий. Актерское ремесло передано ему от отца, Бориса Галкина.

– Вы в детстве любили смотреть фильмы с участием вашего отца?

– Совсем в детстве – нет. Я стал увлекаться творчеством отца лет в 13–14, а для меня это уже не детство. К тому времени я уже сам работал в кино. Фильмы, в которых играл отец, безусловно, отличались от других. Потому что невозможно быть равнодушным к близкому человеку. Но, несмотря на то что я все-таки видел отца, я всегда отдавал должное и уникальности этого артиста вообще: он удивительно порядочный и настоящий. Я рос среди творческих людей, поэтому видеть отца в каком-то новом качестве для меня в детстве стрессом не было. Когда наблюдаешь человека на экране или сцене, он всегда не такой, как в жизни. Ведь если он и в профессии, и в жизни одинаковый, то это уже не артист, и после двух-трех ролей ему придется сменить работу.

– Для вас есть разница между работой в кадре и на сцене?

– Это две почти разные профессии. У них разная суть. Что такое театр? Некий организм, перетекающий из одного состояния в другое, но при этом остающийся неизменным. На мой взгляд, это трясина. По крайней мере сейчас. За последнее время только один спектакль меня действительно поразил – «Король-Олень» Вячеслава Рощина в РАМТе. Совершенно потрясающе сделана сказка. Меня пригласил на этот спектакль мой друг, он играет там одну из ролей. А все остальное в современном театре – какие-то поделки, затыкание дыр, конформизм и конъюнктура.

– Неужели в кино нет всех этих недостатков?

– Кино просто честнее. Оно не скрывает своей коммерческой сути. Делить кино на коммерческое и интеллектуальное нельзя. Оно все коммерческое. Правда, при этом кино бывает авторским. Мой любимый режиссер – Джим Джармуш. Это человек, который не мокает тебя мордой в чужую или собственную блевотину, а рассказывает историю и умеет смеяться над собой. «Мертвец» – совершенно уникальная картина по образу. Джармуш – тот редкий случай, когда театр соприкасается с кино. В его фильмах присутствуют моменты монолога, партнерства и проживания театральной ситуации. Ведь нигде, кроме хрестоматийного театра, нет такого тесного взаимодействия людей. В кино это не так важно, но у Джармуша это

есть. Или Бертолуччи. Он снял камерную картину «Плененные», а потом создал совершенно другую по масштабу – «Последний император». И там и там рыдаешь. Потому что есть главное: рассказанная история, которая абсолютно прожита.

Кого считать комедиантом

– Вам нравится эпизод с таксистом Роберто Бенини в фильме Джармуша «Ночь на земле»?

– Фильм потрясающий, но Бенини мне просто противен как факт, поэтому новелла с ним мне и не понравилась. Ненавижу кривляк. Никогда не любил Джима Керри. Вуди Аллен – тоже какое-то разжевывание соплей собственного производства.

– А Чарли Чаплин?

– Он – другое. Чаплин, скорее, комик-трагик. К тому же, помимо него, был еще потрясающий комик Ллойд, и еще неизвестно, кто сделал больше. А Джим Керри и прочие – это вообще кабарешные дела. Я мню себя человеком, ориентированным на более психологические вещи. Комедии как таковые не люблю.

– Тогда как же ваши собственные комедийные роли?

– Например?

– Да хотя бы в «Дальнобойщиках» или в «Приключениях мага».

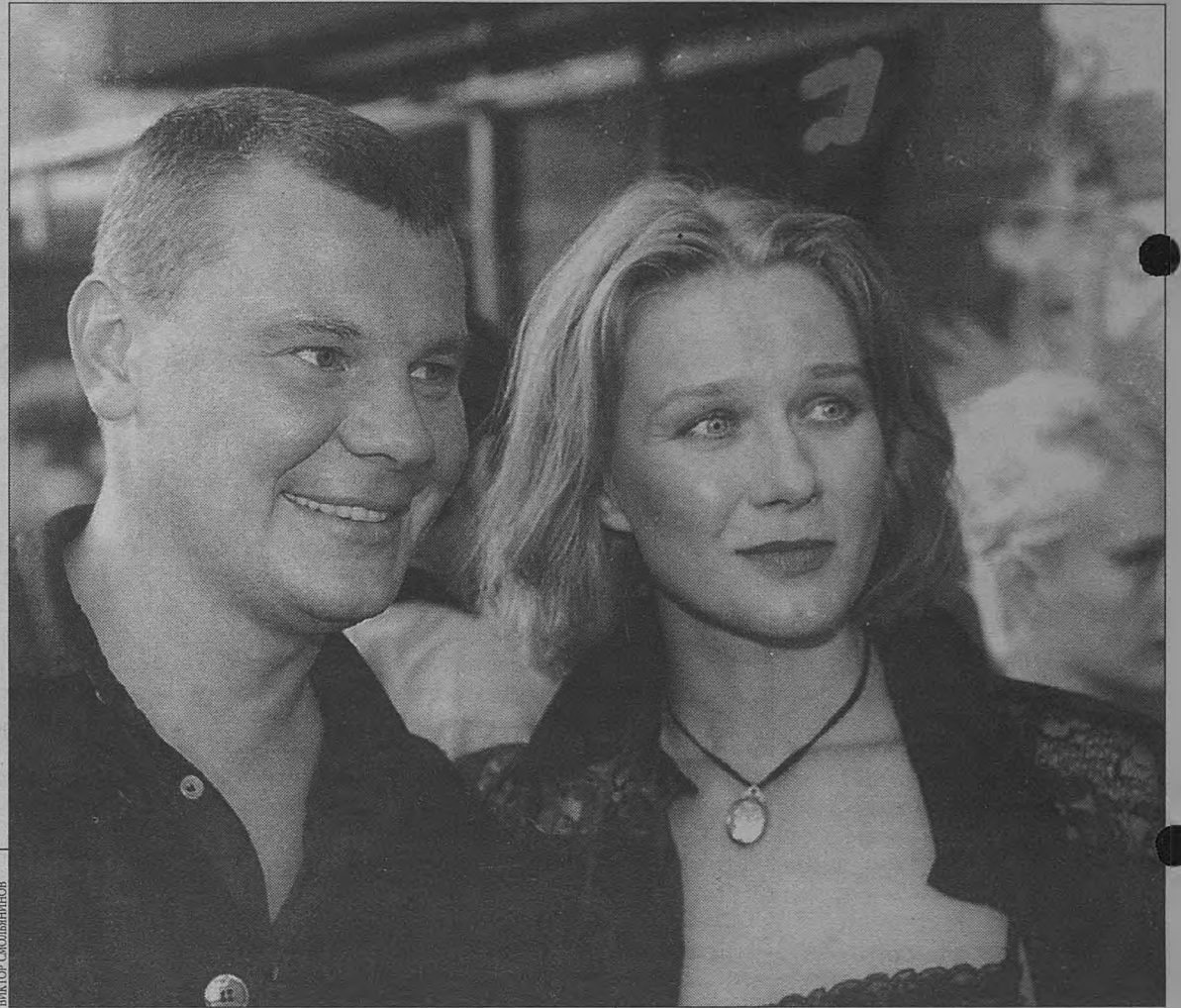
– Так это мне и не очень интересно. И потом, «Дальнобойщики» – никакая не комедия. Своим появлением они открыли новую страницу отечественного телевизионного кино. Там показаны два человека – живые, такие же, как мы с вами. Там нет ничего придуманного: ни понты, ни боевишных наворотов, ни псевдоромантики убийства. Просто интересно наблюдать за этими двумя живыми людьми, за их характерами, за тем, во что они влипают. Ведь в герое интереснее всего не штамп положительного или отрицательного, а человек как таковой. А человека одного от другого отличает лишь то, что один способен отвечать за свои поступки и исправлять ошибки, а другой – нет. Дальнобойщики способны. Они нормальные люди. Думаю, поэтому этот сериал и любят.

Герой романтической саги

– А в «Спецназе» нет псевдоромантики убийства?

– Нет. Изначально это было в сценарии, и мы все ста-

Отшельник

Жена – это не везение. Жена – это романтика

рались этого избежать. На мой взгляд, здесь была главная задача – создание героев, которые вызывают уважение, а не страх.

– Не бойтесь, что зритель «Спецназа» начнет думать, будто мир только из этого и состоит?

– А мир и состоит из этого. Из умения защищать себя и свою страну. Иногда и кулаками. Вам что, кто-то сказал, будто мир безопасен?! Но в «Спецназе»-то как раз нет призыва защищаться. Есть истории про команду спецподразделения, которая выполняет свою задачу и с честью выходит из любой ситуации. Помимо изобразительного ряда, появляется воспитательный момент, которого мы были лишены очень долго. Когда вышла картина с моим отцом «В зоне особого внимания», десятки тысяч молодых людей, посмотрев ее, шли в армию. Разве плохо, что в кино появлялись люди, которым хотелось подражать? У меня есть масса знакомых, на которых этот фильм повлиял в принятии важных жизненных решений. Многие из них не пошли по военной стезе, но во всех есть стержень. Надеюсь, со «Спецназом» произойдет нечто подобное. Зло должно быть наказано. Это очень важно. У нас и так процветает романтика бандитизма. Мне очень нравится финал серии «Ледниковый период», где бандитов в скрюченном состоянии

увозят куда-то в тюрьму в ментовском «бобике». Они все получили по заслугам. И так должно быть. Пускай это сказка. Но чем больше будет таких сказок, тем спокойнее станет в душе каждого, я это точно знаю. «Спецназ» – не о войне. Ненавижу, когда режиссеры пытаются разрешить какие-то политические вопросы. «Спецназ» – это героическая и романтическая сага.

Мир открытий

– Какие собственные роли особенно на вас повлияли, стали новым открытием?

– В 17 лет я снялся в фильме «Абориген». Это была первая социальная драма в стране. И это был как раз тот случай, когда роль забрала меня полностью. Снимать мы поехали в Карелию. Через несколько дней я уже ездил на браконьерской плоскодонке, так что даже местные удивлялись. Они боялись ходить на полной скорости по тем протокам, где плавал я. «Абориген» – фильм про одного парня, который живет рекой. Он на реке родился, прямо в лодке, вырос и, кроме нее и самого себя, абсолютно никому здесь не нужен. В итоге он погибает. Не потому, что он такой бедный-несчастный, а потому, что чистый и настоящий. Показанная часть жизни этого Борьки Хромова, конечно, стала для меня открытием. Сразу по-

сле съемок этого фильма я пошел поступать в «Шуку» и был в невменяемом состоянии. Наверное, в таком люди приходят из армии. Во мне царил агрессивный максимализм. И вообще на этих съемках я понял, что все золото мира не заменит бутылки водки и шерстяных носков. 2–3 недели мы плавали на рыбацком баркасе. Я видел, как мужики командой из 7 человек тащили 400-метровый невод. Это адская работа.

– А что вы можете сказать о роли Таманцева «В августе 44-го»?

– Меня очень порадовала реакция зрителя на этот фильм. Люди выходили из зала и спрашивали: «Владислав, что вы сделали? Мы теперь вас боимся!» А я отвечал на это: «Большое вам спасибо». Еще некоторые говорили: «Как вам не стыдно прославлять образ смершевца, ведь это убийца!» Они почему-то не думают о том, что эти люди спасали тысячи, десятки тысяч, хотя по их вине гибли сотни. Очень просто обличать. А что это были за люди, кто они такие, что они делали во время войны – никому не интересно.

– Что обязательно нужно уметь для того, чтобы сыграть смершевца, спецназовца или дальнобойщика?

– Артист – это такая уникальная профессия, которая подразумевает, что ты должен уметь все. Ну, или хотя

Галкин, Владислав

6.06.03.